

**St.-Petersburg State University
Institute of History
Department of the History of Ancient Greece and Rome
Centre of Ancient Studies**

MNEMON

**Investigations and Publications on the History of
Ancient World**

Edited by Ed.Frolov

№ 14

**St.-Petersburg
2014**

**Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 14

**Санкт-Петербург
2014**

ББК 63.3 (0) 32
М 73

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук А. Б. Егоров, д-р ист. наук О. Ю. Климов, д-р ист. наук О. В. Кулишова, канд. ист. наук А. Д. Пантелеев (отв. секретарь), д-р ист. наук Э. Д. Фролова (председатель), д-р ист. наук Ю. Б. Циркин, д-р ист. наук Н. С. Широкова.

Рецензенты:

Д-р ист. наук, проф. А.Ю. Прокопьев (С.-Петербург. гос. ун-т)
Д-р ист. наук, проф. М.Ф. Флоринский (С.-Петербург. гос. ун-т)

Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: Сб. статей / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 14. – СПб., 2014. – 516 с.
ISSN 1813-193X

Очередной выпуск альманаха «Мнемон» выходит в юбилейный для кафедры истории древней Греции и Рима и всего исторического факультета (ныне – Института истории) год. Ровно 80 лет тому назад, в 1934 г., в Ленинградском университете был учрежден, а вернее, восстановлен исторический факультет, и тогда же была создана кафедра античной истории. Основное содержание сборника построено по традиционному плану. Значительная часть статей посвящена истории древней Греции, причем исследования касаются как частных сюжетов, так и принципиальной оценки целых исторических периодов (в частности, греческой архаики). Интересные статьи публикуются по истории эллинизма и древнего Рима. Специальные разделы посвящены античной культуре, а также темам источниковедения и историографии; особо надо отметить статью, посвященную незаслуженно забытому петербургскому антиковеду К. Хилинскому.

Альманах «Мнемон» предназначается для студентов и преподавателей гуманитарных факультетов, а также для всех, кто интересуется историей и культурой античного мира.

Редколлегия благодарит профессора А.Х. Даудова за содействие
в подготовке и издании альманаха

ББК 63.3 (0) 32

Адрес редакции:
199134 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5,
Институт истории СПбГУ

© Авторы статей, 2014
© Институт истории
Санкт-Петербургского
государственного
университета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Фролов Э.Д.</i> Вместо предисловия: Источник знания в науке об античности (к проблеме формирования специалиста).....	8
<i>Фролов Э.Д.</i> Кафедра античной истории СПбГУ (к 80-летию юбилею).....	13

I. Исследования по истории античного мира

1. Древняя Греция

<i>Суриков И.Е.</i> (Москва). Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX-VIII вв. до н.э.).....	27
<i>Жестоканов С.М.</i> Загадочная экспедиция Фрасибула Милетского.....	51
<i>Туманс Х.</i> (Рига). Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации.....	59
<i>Строгецкий В.М.</i> (Нижний Новгород). Взаимоотношения между Спартой, Афинами и Эгиной накануне Марафонской битвы.....	95
<i>Никитюк Е.В.</i> Декрет Феозотида: к вопросу об афинских <i>nothoi</i>	109
<i>Печатнова Л.Г.</i> Древние авторы о спартанской агонистике.....	119
<i>Шарнина А.Б.</i> Проксения в межполисных отношениях Эллады.....	129

2. Эллинизм

<i>Рунг Э.В.</i> (Казань). Военно-политическая деятельность Ментора Родосского.....	143
<i>Смирнов С.В.</i> (Москва). Пифон, Селевк и традиция Иеронима из Кардии.....	161
<i>Грушевой А.Г.</i> Два почетных декрета в честь Антиоха I (280-261 гг. до н. э.) (OGIS, 219, 222).....	171
<i>Нефедкин А.К.</i> Традиции военного дела эпохи Ахеменидов в Сасанидском Иране.....	185

3. Рим

<i>Кудрявцева Т.В.</i> Корнелиев закон и процесс Клуенция: магия in latenti.....	193
<i>Вержбицкий К.В.</i> Падение Сеяна (а был ли заговор?).....	203
<i>Портнягина И.П.</i> (Тверь). Луций Анней Сенека о системе воспитания и самовоспитания (теория и практика).....	211

<i>Смирнова Е.Л.</i> (Петрозаводск). Гражданские войны 68-69 гг. и римский сенат.....	223
<i>Циркин Ю.Б.</i> Начало конца Западной Римской империи.....	231

4. Культура и религия античного мира

<i>Кулишова О.В.</i> Хор в древнегреческой драме: социально-политический контекст.....	253
<i>Пантелеев А.Д.</i> Маска в религиозной жизни древней Греции.....	259
<i>Светлов Р.В.</i> Платоновская концепция истории.....	277
<i>Васильев А.В.</i> К вопросу о времени появления маски в римском театре.....	291
<i>Дуров В.С.</i> Гастрономический опыт Горация.....	301
<i>Широкова Н.С.</i> К вопросу о романизации Британии: римский Марс и его британские эквиваленты.....	313
<i>Марков К.В.</i> (Нижний Новгород). Специфика употребления и смысловое содержание понятия <i>δημοκρατία</i> в сочинениях греческих авторов Второй софистики.....	337

II. Источниковедение и историография

<i>Карпюк С.Г.</i> (Москва). Взгляды Ксенофонта на патриотизм.....	347
<i>Скржинская М.В.</i> (Киев). Сочинения боспорских и херсонесских историков.....	357
<i>Звагольская А.К.</i> Об одном пассаже Кальпурния (Calp. VII, 57-72).....	377
<i>Данилов Е.С.</i> (Ярославль). Военные глоссы Веррия Флакка.....	387
<i>Дымская Д.Д.</i> Римский политик в трактовке Нового времени: образ Катилины в трагедии Бена Джонсона.....	395
<i>Тункина И.В.</i> Академик Е.Е. Кёлер о Березани, Ольвии и ольвийской периферии в дневнике экспедиции Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 1821 г. по Новороссийскому краю.....	407
<i>Крульчик Ки.</i> (Познань). Константин Хилинский (1881-1939) – польский исследователь античности.....	419
<i>Кузьмин Ю.Н.</i> (Самара), <i>Макарова О.М.</i> (Самара). А.Е. Паршиков и история Афинской морской державы.....	443

III. Публикации

Мученичество Святых Максимы, Секунды и Донатиллы. Вступительная статья, перевод и комментарий А.В. Каргальцева.....	455
---	-----

IV. Хроника научной жизни

<i>Берзон Е.М., Кулишова О.В.</i> Вторая межвузовская студенческо-аспирантская конференция «Античность XXI века» (СПбГУ, 18 марта 2014 г.).....	465
---	-----

<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород). У истоков идеологии принципата (Токарев А.Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа: монография. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2011. – 268 с.).....	468
<i>Климов О.Ю., Холод М.М.</i> Христиан Милета: юбилей ученого.....	478
Памяти Константина Викторовича Вержбицкого (21.09.1973–15.09.2014).....	484
Аннотации.....	487
Abstracts.....	497
Сведения об авторах.....	505
Список сокращений	507
Contents.....	511

Д.Д. Дымская

Римский политик в трактовке Нового времени: образ Катилины в трагедии Бена Джонсона

Луций Сергий Катилина (ок. 115-62 гг. до н. э.), характеристика которого у античных писателей была явно негативной, тем не менее, являлся яркой фигурой, и даже современники отдают должное его мужеству. Отсюда – интерес писателей последующих времен, особенно в революционные эпохи (Г. Ибсен, А. А. Блок). Но и задолго до них к теме Катилины обращались писатели более раннего и спокойного времени: в Англии, на рубеже эпох классицизма и просвещения, а именно – в 1611 г. была опубликована пьеса Бена Джонсона¹ под названием «Заговор Катилины». Она является первым из сохранившихся до наших дней *литературных* произведений, в которых фигурирует данный персонаж², хотя попытки привнести образ Катилины в сокровищницу мировой литературы неоднократно предпринимались и ранее: в 1578 г. к этому сюжету обращался английский писатель Стивен Госсон, а в 1598 г. – его соотечественники Роберт Уилсон и Гарри Четтл, но их произведения ныне утрачены. Судьба же трагедии же Б. Джонсона оказалась более счастливой: она не только пережила своего создателя, но и послужила предметом вдохновения для многих последующих авторов, отважившихся на собственные экспе-

¹ Бен Джонсон родился в 1572 или 1573 г. и происходил из шотландской семьи. Основной период его творчества приходится на время правления короля Якова I Стюарта (1603-1625), который высоко ценил творчество этого драматурга. См.: *Aronstein Ph.* Ben Jonson. Berlin: Verlag von Emil Felber. 1906., S. 167. Бен Джонсон является автором многочисленных драматических произведений, два из которых затрагивают римскую тему. Первое – это трагедия «Сеян» (1603), повествующая об известных событиях 31 г. н. э. в Риме, а второе – уже собственно «Заговор Катилины». Помимо означенных произведений из-под пера Бена Джонсона вышло немало других пьес как трагического, так и комического жанров, а также т. н. «масок», т.е. сценариев для придворных маскарадных балов.

² Справедливости ради стоит отметить, что мы встречаем Катилину еще на страницах полусказочной «Флорентийской истории» Рикордано Малеспини, относящейся к 1281 г., но, поскольку автор задумывал ее как хронику, а не как художественное произведение, мы исключаем ее из нашего обзора.

рименты с образом римского «революционера». Таким образом формировалась уже литературная традиция, все дальше и дальше уходящая от исходного образа, оставленного источниками. Так например, уже в XVIII веке во Франции стараниями аббата Пеллегрини, а затем Проспера Жюлио Кребийона история заговора Катилины претерпела значительные метаморфозы – в частности, центр тяжести сюжета сместился в сторону взаимоотношений Катилины с дочерью Цицерона³. Можно было бы продолжить этот ряд и далее, поскольку, как уже было сказано выше, фигура Катилины издавна привлекала внимание литераторов, и посвященных ему произведений насчитывается достаточно много⁴, но это уже выходит за рамки нашего повествования и требует более обстоятельного исследования, чем мы можем себе здесь позволить. Задачей же *данной* статьи является попытка понять, как происходила трансформация означенной исторической личности в литературный персонаж. Для этого мы должны провести анализ образа Катилины в произведении Бена Джонсона, а затем соотнести его с реальной исторической фигурой, описание которой сохранили для нас источники. Именно поэтому логично будет начать с рассмотрения показаний античных авторов и выяснить, как воспринимали личность Катилины его современники.

Хотя события, связанные с заговором Катилины, изображаются во многих древних текстах (см., например, сочинения Светония, Аппиана и Диона Кассия), мы должны обратить внимание прежде всего на тех авторов, которые жили в описываемую эпоху, т. к. именно их творения послужили основой для всех последующих исторических сочинений по указанной теме. В нашем случае таких источников два – это Цицерон и Саллюстий; начнем с первого. Всего у Цицерона было заготовлено четыре речи против Катилины. Их можно условно разделить на две пары – две первых были произнесены в ноябре 63 г. до н. э., одна – перед сенатом, другая – перед народом; обе направлены против самого Катилины. Две другие касаются уже его сторонников и относятся к декабрю того же года (3 декабря перед народом, 5 декабря – на заседании Сената), но в рамках данной статьи нас будет интересовать только самая первая речь против Катилины, а также речь в защиту Целия, написанная и произнесенная в 56 г. до н. э., поскольку в них обеих содержатся основные характеристики нужного нам персонажа.

³ *Speck H. Katilina im Drama der Weltliteratur. Leipzig, 1906. S. 31; 36.*

⁴ Интересующихся данной проблематикой мы отсылаем к замечательной монографии Г. Шпека, в которой подробно исследуются все существующие ко времени жизни автора литературные произведения о Катилине: *Speck H. Katilina im Drama der Weltliteratur. Leipzig, 1906.*

Мы будем разбирать вышеупомянутые речи в хронологическом порядке, а потому начнем свой обзор с первой речи против Катилины. Время ее написания относится к 63 г. до н.э., когда в Риме состоялся печально известный заговор Катилины. Как известно, Цицерон, являвшийся тогда консулом и, соответственно, главным политическим противником заговорщиков, 8 ноября 63 г. до н. э. выступил в сенате с обвинениями против их лидера, который имел сомнительное удовольствие присутствовать на этом заседании и, следовательно, все слышал (Sall. Cat. 31). В своей речи Цицерон не только рассказал об известных ему планах заговорщиков (Cic. Cat. I 7-12), но и дал нравственную оценку самому Катилине: «Каким только бесстыдством не ослабил ты себя в своей частной жизни? Каким только непристойным зрелищем не осквернил ты своих глаз, каким деянием – своих рук, какой гнусностью – всего своего тела? Найдется ли юнец, перед которым бы ты, чтобы заманить его в сети и совратить, не нес кинжала на пути к преступлению или же факела на пути к разврату? Разве недавно, когда ты, смертью своей первой жены, приготовил свой опустевший дом для нового брака, ты не добавил к этому злодеянию еще другого, невообразимого? Не стану о нем говорить, – пусть лучше о нем молчат – дабы не казалось, что в нашем государстве такое чудовищное преступление могло произойти или же остаться безнаказанным. Не буду говорить о твоём полном разорении, всю тяжесть которого ты почувствуешь в ближайшие иды» (Cic. Cat. I 13-14, пер. В.О. Горенштейна). Так была создана традиция изображать Катилину как разорившегося негодая, и, если вдуматься, то в действительности все эти факты взаимосвязаны: невоздержанный образ жизни ведет к разорению, а разорение, в свою очередь, толкает на путь преступления. Но при этом может возникнуть вопрос, как такой недостойный человек мог после всего, что о нем известно, продолжать заседать в сенате, учитывая, что цензоры изгоняли такого рода «отцов» и за гораздо меньшие провинности⁵? Ответ на этот вопрос содержится в речи Цицерона за Целия, где он, защищая своего клиента, объясняет, каким образом тот попал под пагубное влияние Катилины. Выясняется, что лидер заговорщиков не был таким уж ничемным человеком: «он умел привлекать к себе многих людей дружеским отношением, осыпать их услугами, делиться с любым человеком своим имуществом, в беде помо-

⁵ Плутарх передает, что Катон Старший в свое время исключил из сената некоего Манилия за то, что тот «среди бела дня, в присутствии дочери, поцеловал жену» (Plut. Cat. Mai. 17). Нравы с тех пор, конечно, изменились, но если Катилина действительно вел такой образ жизни, какой ему приписывали, то его непременно должны были вычеркнуть из сенаторского списка.

гать всем своим сторонникам деньгами, влиянием, ценой собственных лишений, а если нужно – даже преступлением и дерзкой отвагой⁶; он умел изменять свой природный характер и владеть собой при любых обстоятельствах, был гибок и изворотлив, умел с суровыми людьми держать себя строго, с веселыми приветливо, со старцами с достоинством, с молодежью ласково; среди преступников он был дерзок, среди развратников расточителен. Обладая этим столь переменчивым и многообразным характером, он собрал вокруг себя всех дерзких и бесстрашных людей из всех стран и в то же время удерживал при себе даже многих храбрых и честных мужей, так сказать, видимостью своей притворной доблести. И у него никогда не возникло бы столь преступного стремления погубить нашу державу, если бы такое безмерное множество чудовищных пороков не сопровождалась у него обходительностью и выдержкой» (Сic. p. Cael. 6). Более того, по словам Цицерона, самые скверные пороки Катилины удивительным образом уравновесивались столь же значительными добродетелями: «с многими бесчестными людьми он общался, но притворялся, что предан честнейшим мужам. Его манил к себе разврат, но подчас увлекали настойчивость и труд. Его обуревали пороки сладострастия; у него также были сильные стремления к военным подвигам» (Сic. p. Cael. 6).

Итак, спустя несколько лет после раскрытия заговора и гибели Катилины, Цицерон все же признает за ним некоторые положительные черты. Почему он это делает – понять несложно. Ведь в речах против Катилины его задачей было создать образ некоего чудовища, представляющего смертельную опасность для государства и убедить слушателей, что таким гражданам не место в Риме и что лучше всего было бы покончить с ними раз и навсегда. В речи же за Целия оратор ставит себе уже совершенно другие цели: он хочет показать аудитории, что Катилина мог ввести в заблуждение даже самых достойных граждан и привлечь их на свою сторону посредством щедрости, приветливости и готовности помочь в любую минуту. Это должно было доказать невиновность цицероновского подзащитного и продемонстрировать хитрость Катилины, сумевшего создать себе репутацию порядочного человека: «Мне казалось, что он добрый гражданин, стремящийся сблизиться с лучшими людьми, стойкий и верный друг», – признавался оратор (Сic. p. Cael. 6).

⁶ По нашему мнению, перевод В.О. Горенштейна не совсем точен. В латинском оригинале данная фраза выглядит следующим образом: «*comprehendere multos amicitia, tueri obsequio, cum omnibus communicare, quod habebat, servire temporibus suorum omnium pecunia, gratia, labore corporis, scelere etiam, si opus esset, et audacia*», и мы бы предложили перевести «*labore corporis*» как «физической силой», а «*audacia*» как «дерзостью» или же «наглостью».

Теперь посмотрим, что пишет о нем Саллюстий. В отличие от Цицерона, он никоим образом не был задействован в политической борьбе 60-х гг. до н. э., но был ее современником (его годы жизни – 86-35/4 гг. до н. э.). Главный его труд, который будет нас здесь интересовать, называется «Заговор Катилины», и, вероятно, является его первенцем. Саллюстий не называет свои источники, но известно, что он лично знал некоторых из действующих лиц, а именно – Цезаря, Красса и Публия Суллу. Кроме того, в его распоряжении могли быть протоколы заседаний сената (Cic. Sull. 42) и письма, зачастую он приводит не прямые цитаты, но лишь передает приблизительное содержание речи или письма (см., например, Sall. Cat. 33). В 60 г. до н. э. после предварительной авторской обработки были опубликованы речи Цицерона против Катилины, так что у Саллюстия наверняка была возможность их изучить, поскольку его произведение было написано уже после смерти Цезаря, вероятно, в 42 г. до н. э.⁷ Скорее всего, Саллюстий пользовался сочинениями Цицерона, и это подтверждается также тем, что он полностью перенимает оставленную оратором характеристику Катилины, правда, у него она служит уже другим целям.

Начинается эта характеристика со слов «Луций Катилина, человек знатного происхождения...» (Sall. Cat. 5, пер. В. О. Горенштейна), и таким образом автор подводит нас к своему основному тезису об испорченности олигархии; он хочет показать нам, что только в среде аристократии, утратившей свои былые добродетели, мог появиться такой преступник⁸: «В столь большой и столь развращенной гражданской общине Катилина (сделать это было совсем легко) окружил себя гнусностями и преступлениями, словно отрядами телохранителей» (Sall. Cat. 14). Молодых людей, которые собирались у него в доме, он «многими способами обучал преступлениям. Из их числа он поставлял лжесвидетелей и подделывателей завещаний, учил их не ставить ни во что свое честное слово, благополучие, опасности, впоследствии, лишив их доброго имени и чувства чести, он требовал от них иных, более тяжких преступлений. Если в настоящее время возможности совершать преступления не было, он все же подстерегал и убивал людей, ни в чем не виноватых, словно они были виноваты; видимо, для того чтобы от праздности не затекали руки или не слабел дух, Катилина без всякого расчета предпочитал быть злым и жестоким» (Sall. Cat. 16). То есть, это чело-

⁷ Альбрехт М., фон. История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияние на позднейшие эпохи. Т. I / Пер. с нем. А.И. Любжина. М., 2003. С. 481.

⁸ Ведь неслучайно за описанием нравов Катилины и причин его заговора следует довольно пространное рассуждение о старых добрых временах и пришедшем им на смену упадке общественной морали (Sall. Cat. 5,9 – 13,5).

век, который творит зло ради зла, и даже сама его внешность говорит о дурном нраве: «его мерзкая душа, враждебная богам и людям, не могла успокоиться ни бодрствуя, ни отдыхая; до такой степени угрызения совести изнурили его смятенный ум. Вот почему лицо его было без кровинки, блуждал его взор, то быстрой, то медленной была походка. Словом, в выражении его лица сквозило безумие» (Sall. Cat. 15). По остроумному замечанию Т. Моммзена, такой тип представляет интерес уже скорее для криминалиста, чем для историка⁹, и действительно: в глазах Саллюстия Катилина является естественным воплощением всего дурного, что свойственно современной ему олигархии; это не столько личность, сколько собирательный образ человека новой эпохи, обуреваемого основными пороками своего времени – честолюбием и жадностью (Sall. Cat. 10). С другой стороны, хотя ему присущи многие дурные качества, он, тем не менее, является сильной личностью (Sall. Cat. 5) и в некоторой степени даже может вызвать восхищение (по крайней мере – у Саллюстия, известного своим пристрастием к людям такого типа)¹⁰.

Таков образ Катилины, представленный в источниках. Обратимся теперь к более поздним материалам и перейдем непосредственно к заявленной теме, а именно – к тому, каким видел Катилину Бен Джонсон. Его пьеса «Заговор Катилины» открывается монологом Духа Суллы, устами которого автор подчеркивает сходство между главным героем и диктатором: «Наследуй, Катилина, душу Суллы»¹¹. При этом имеется в виду сходство характеров, а не судеб: покойный диктатор предлагает Катилине повторить его преступления, а, если сможет, то и превзойти их: «И пусть то злое, что содеял он, / Тебе поможет повторить Плутон» [С. 3], после чего следует уже перечисление конкретных злодеяний. Такой зачин ясно указывает на отношение автора к своему персонажу. В первых же строках пьесы главному герою дается однозначно негативная характеристика; он показан явным маргиналом, а сравнение с Суллой, имя которого связывалось в сознании большинства обывателей с наводящими ужас проскрипциями (иначе говоря, организованными убийствами), должно было лишь усилить это впечатление.

Но далее, когда слово берет уже сам Катилина, мы узнаем, что он не только крайне испорчен, но и чрезвычайно умен. Он с легкостью мани-

⁹ Моммзен Т. История Рима. Т. III / Пер. с нем. Н.Д. Ахшарумова. М., 2002. С. 164.

¹⁰ Егоров А.Б. Политические взгляды Саллюстия // Античный полис. Л., 1979. С. 122.

¹¹ Джонсон Б. Заговор Катилины / Пер. с англ. Ю.Б. Корнеева. М., Л., 1960. С. 3.

Далее произведение цитируется по указанному изданию; номер страницы приводится в основном тексте в скобках.

пулирует людьми и заставляет их плясать под свою дудку, обещая каждому то, чего тот хочет больше всего на свете: «Ведь я имею дело со многими и разными людьми», – признается Катилина. – «Иных беру я лестью», «в других я распалю / Их злобу против Рима за обиды, / Которые им нанесла отчизна» [С. 6-7], «иным, обыкновенным честолюбцам.../ Я обещаю щедро раздаю», «иных, кого ко мне толкает алчность,.../ Мы временно возьмем на содержание / И в нашем доме приютим, равно как / Всех тех, кто грешен иль грешить намерен, / Кого закон преследует иль просто / Страшит», «иных, тех ветреников, для которых / Вся жизнь – в собаках, лошадях и шлюхах, / Мы развлеченьями прельстим» [С. 7]. Этот монолог, демонстрирующий способности Катилины привлекать к себе людей, которые различаются между собой не только по социальному положению, но и по характеру амбиций, вполне согласуется с тем, что писали о нем Цицерон и Саллюстий (Cic. p. Cael. 6; Sall. Cat. 14). Но Катилина не только собирает вокруг себя всякий сброд и недовольных; он, как сказал некогда Цицерон, пытается и «сблизиться с лучшими людьми» (Cic. p. Cael. 6). Особенно ярко это проявляется в первой сцене третьего действия, когда стали известны итоги выборов и тот факт, что Катилина их проиграл. При помощи напускного смирения заговорщик создает себе репутацию «доброго гражданина» перед лицом представителя сенатской элиты – Квинта Катутла: «Народ решил иначе, повинуюсь / Веленьям неба неисповедимым. / Ведь боги лучше, чем мы сами, знают, / Что нужно нам, и грех – роптать на них» [С. 44]. Его цель достигнута – Катул обманут. «Я умилен твоим смиреньем, Сергей!» [С. 45], – восклицает он, не подозревая о том, что все это не более, чем притворство.

За внешним дружелюбием и обходительностью скрывается звериная натура. Образ Катилины приобретает поистине демонические черты, когда Б. Джонсон (очевидно, для создания большего драматического эффекта) использует заимствованный у Саллюстия эпизод с ритуальным убийством раба, чьей крови по настоянию Катилины, должны были вкусить заговорщики перед клятвой (Sall. Cat. 22). Сам Саллюстий считает это дело «недостаточно ясным» и даже прямо говорит о том, что, возможно, эта история была специально выдумана для того, чтобы усугубить тяжесть преступления заговорщиков (Sall. Cat. 22), поскольку подобные сцены обычно оказывают сильное эмоциональное воздействие на тех, кому приходится с ними сталкиваться. Но драматург, отбросив осторожное замечание античного автора, представил это кровавое жертвоприношение как свершившийся и неоспоримый факт: для него важно было показать, что Катилина – не просто обычный заурядный преступник, но личность де-

моническая и одержимая. «Все, что способны духи зла измыслить, / Все зверства и насилия, на какие / Ни галлам, ни завистливым пунийцам не удалось обречь мою страну, / Я совершу один за ночь одну» [С. 68], – говорит герой, когда остается на сцене в полном одиночестве. Этот монолог, обращенный к самому себе, выдает его истинные мысли и намерения. Мы понимаем, что перед нами человек, который презирает даже своих соратников; ему хочется творить зло ради самого зла, он мечтает о господстве над Римом и не остановится ни перед чем для того, чтобы его достичь. Катилина не знает ни меры, ни умеренности; грандиозность его замыслов равняется их жестокости, и Б. Джонсон не устает это подчеркивать: «Пусть моя жестокость обессмертит / Мое всееляющее ужас имя, / И пусть потомки сияются напрасно / Содеянное мною повторить» [С. 68], – хвастается у него Катилина.

На заседании сената, когда Цицерон перед всеми разоблачает его замыслы, заговорщик не пытается отрицать это или оправдаться; он лишь напоминает сенаторам о своем благородном происхождении и об отсутствии такового у Цицерона, но его слова уже не могут никого убедить. Апелляция к кастовой солидарности оказывается бессильной после крайне эмоциональной, но бездоказательной речи лучшего в Риме оратора¹². Сенаторы идут на поводу у чувств и не дают Катилине говорить; на каждую его реплику следует оскорбительный призыв к молчанию, и заговорщику ничего не остается, кроме как покинуть это собрание. Доведенный до крайности, он в бешенстве выкрикивает последнюю угрозу – «Я, раз уж мне погибнуть суждено, / Добьюсь, чтоб вы погибли заодно!» [6, С. 89], и тем самым себя разоблачает. Теперь всем ясно, что Катилина – враг, и пути назад для него больше нет.

Он должен либо отречься от своей «преступной отваги» (Cic. Cat. I 4), либо попытаться хоть как-то спасти положение, и Катилина, со свойственной ему неукротимой энергией, разумеется, выбирает последнее. Он бежит из Рима и набирает в провинции войска, против него высылают правительственную армию, и развязка наступает быстро: в решающем столкновении сторонники Катилины терпят поражение, а сам он, очевидно, решив продать свою жизнь подороже и нанести неприятелю максимальный ущерб, «Врубился в наши тесные ряды, .../ Как лев ливийский, презирая раны / И не страшась ударов беспощадных, / Он яростно косил легионеров, / Пока не пал в смертельном их кольце» [С. 127]. И даже когда он был смертельно ранен, «во взгляде / Еще читалась прежняя решимость, / И пальцы долго шевелились,

¹² У Б. Джонсона она фактически является переводом латинского оригинала, излагаемым ямбическим стихом.

словно / Республику пытались задушить» [С. 127]. Катилина остался врагом Рима до конца. Но, тем не менее, «совесть сената» – Катон – не без сожаления замечает по его поводу: «Отважная, хоть грешная кончина! / Когда б он честен был и жил на благо / Отечества, а не во вред ему, / Никто бы с ним величьем не сравнился»[С. 128]. Это, по-видимому, и является точкой зрения самого автора: действительно, можно только пожалеть о том, что человек такой выдающейся доблести и отваги, как Катилина, поставил себя на службу злу и совершил множество дурных поступков, в то время как с его дарованиями он мог бы прославиться и на более благородном поприще, не живи в его душе столько пороков. Это печальное противоречие в некотором смысле даже делает его трагической фигурой.

Так заканчивается история Катилины на сцене (и в жизни). Как мы имели случай наблюдать, характеристика, данная ему Б. Джонсоном, почти дословно совпадает с той, которой удостаивают Катилину Цицерон и Саллюстий, и это неудивительно. Ведь драматург использовал для создания своей пьесы солидную источниковую базу: насколько позволяет судить филологический анализ текста, главными его источниками были речи Цицерона, а также труды Саллюстия и Плутарха, но не исключено, что ради создания особой атмосферы, присущей веку гражданских войн, Б. Джонсон мог позаимствовать кое-что и у Лукана – римского поэта I в. н. э., автора поэмы «Фарсалия»¹³. В целом можно сказать, что автор придерживался принципа абсолютного доверия античной традиции, и в этом состоит как сила, так и слабость его произведения. Положительным моментом такого подхода является то, что в пьесе сохранен исторический фон и нет грубого отступления от реалий описываемого времени, хотя в елизаветинскую эпоху, когда жил и творил Б. Джонсон, подобный педантизм и аккуратность достаточно редко встречались среди драматургов¹⁴. Отрицательный же момент заключается в некритическом восприятии доступной ему информации, но не будем винить автора за это: ведь к художественным произведениям предъявляются совсем иные требования, чем к научным трудам, и скрупулезный анализ данных источников в их число не входит.

¹³ Harris L.H. Introduction // Jonson B. Catiline his conspiracy. New Haven, 1916. P. 19.

¹⁴ Harris L.H. Introduction. P. 16. Ярким примером исторической неточности может служить трагедия Шекспира «Тит Андроник». Абсолютно все ее персонажи являются вымышленными, готы почему-то носят греческие имена, а кроме того, текст изобилует анахронизмами (чего стоит, например, фраза «Дубин, дубин!» («Clubs, clubs!»), никогда не произносившаяся в Риме, но зато часто слышимая в Англии во время уличных беспорядков!) См.: Смирнов А. Примечания к тексту «Тита Андроника» // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах / Под общей ред. А. Смирнова и А. Аникста. Т. 2. М., 1958. С. 519.

В результате Катилина Б. Джонсона получился классическим театральным злодеем, подобным герцогу де Гизу из трагедии Кристофера Марло «Парижская резня» (1593 г.) или Ричаду III из одноименной трагедии Шекспира (1592 г.)¹⁵. Этих троих антигероев объединяет то, что все они знатного рода, имеют претензии на верховную власть и по-макиавелевски неразборчивы в средствах. Кроме того, их отличает гипертрофированное тщеславие и жестокость, и вот один из примеров: «Клянусь, как Цезарь воинам своим», – говорит Гиз, оставшись наедине с собой, – «Что я врагам воздать враждой сумею; / Что смерть они, увидя взгляд мой хмурый, / В морщинах моего чела прочтут; / Что злобный шепот их мой слух уловит; / Что стисну я весь мир в руке железной; / Что овладею тронем королевским / И блеск моей короны, словно солнце, / Зажмуриться заставит все глаза. / Мой умысел созрел. Победа ждет / Того, кто безоглядно к ней идет»¹⁶. В отличие от многих других отрицательных персонажей Марло Гизу свойственно какое-то особое, мрачное величие; он знает себе цену и, даже погибая от кинжала убийцы, восклицает: «Не отступил и умирает Цезарь!»¹⁷. Это роднит его с патрицием Катилиной, героически павшим в битве, и королем Ричардом, окончившим свои дни столь же трагичным образом, но в то же время отличает от типажей вроде мальтийского еврея Вараввы или шекспировского мавра Арона, которые по сюжету занимали крайне низкое социальное положение, творили свои злые дела исподтишка и умерли позорной смертью.

Однако не следует забывать о том, что прототипами указанных злодеев были все-таки личности исторические, и Катилина, несмотря на окружавшую его зловещую театральную ауру, был реальным живым человеком, со своими достоинствами и недостатками. Даже если принять во внимание, что Цицерон и Саллюстий явно сгустили краски, описывая его пороки, мы, тем не менее, склонны полагать, что отрицательные черты его характера все же преобладали над положительными. При этом Катилина, как нам кажется, был не монстром, а всего лишь логическим продуктом своей эпохи: как отмечает автор предисловия и ученого комментария к английскому изданию пьесы Л. Харрис, семена падения нравов уже давно были посеяны, а он просто стал одним из его первых ростков¹⁸. Беспринципных и жестоких людей в его время было, к сожалению, более чем достаточно; однако незабываемый об-

¹⁵ Не исключено влияние означенных произведений на творчество Б. Джонсона.

¹⁶ *Марло К. Парижская резня // Сочинения / Пер. с англ. Ю.Б. Корнеева. М., 1961. С. 534-535.*

¹⁷ *Марло К. Парижская резня. С. 575.*

¹⁸ *Harris L.H. Introduction. P. 24-25.*

раз Катилины как преступного гения, созданный Цицероном и подхваченный позднейшими античными авторами, оказался настолько сильным, что многие представители научной и творческой элиты последующих эпох все еще находятся в плену цицероновского мышления и смотрят на Катилину его глазами¹⁹.

Что же касается Бена Джонсона, то можно, пожалуй, утверждать, что после его блестящей драмы, оказавшейся первой в ряду литературных произведений о данном персонаже, образ Катилины стал достоянием не только истории, но и литературы, и в этом мы видим одну из величайших заслуг английского драматурга. Катилина же, став популярным образом, претерпел определенную метаморфозу в литературе Нового Времени, и в революционную эпоху из ниспровергателя-злодея превратился в романтического революционера. Наиболее ярким примером такой метаморфозы может служить знаменитый очерк А. А. Блока «Катилина», написанный в апреле 1918 г.: дух времени в сочетании с талантом выдающегося поэта и эссеиста превратил того, кто некогда считался негодяем и распутником, в положительного героя, и это, пожалуй, является одним из лучших свидетельств того, как *tempora mutantur et nos mutamur in illis*.

Список использованной литературы

- Альбрехт М., фон.* История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияние на позднейшие эпохи. Т. I / Пер. с нем. А. И. Любжина. М., 2003.
- Блок А.А.* Катилина. Страница из истории мировой революции. СПб, 1919.
- Джонсон Б.* Заговор Катилины / Пер. с англ. Ю. Корнеева. М., Л., 1960.
- Егоров А.Б.* Политические взгляды Саллюстия // Античный полис. Л., 1979.
- Моммзен Т.* История Рима. Т. III / Пер. с нем. Н.Д. Ахшарумова. М., 2002.
- Марло К.* Парижская резня // Сочинения / Пер. с англ. Ю.Б. Корнеева. М., 1961.
- Смирнов А.* Примечания к тексту «Тита Андроника» // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах. Т. II / Под общей ред. А. Смирнова и А. Аникста. М., 1958.
- Шекспир В.* Король Ричард III // Собрание избранных произведений. Т. VI / Пер. с англ. Б. Лейтина. СПб, 1993.
- Aronstein Ph.* Ben Jonson. Berlin, 1906.

¹⁹ Вероятно, Цицерон был дорог сердцу драматурга еще и потому, что, как показала в своей монографии А. Бартон, Б. Джонсон видел в нем «родственную душу»: оба они были «новыми людьми», чувствовали, что их таланты и заслуги недооценивают, оба раздражали своих современников бесконечным самовосхвалением; наконец, и тот, и другой ценил старый, традиционный порядок и был по своей натуре консерваторм. См.: Barton A. Ben Jonson: Dramatist. Cambridge, 1984. P. 160.

Barton A. Ben Jonson: Dramatist. Cambridge, 1984.

Harris L. H. Introduction // Jonson B. Catiline his conspiracy. New Haven, 1916

Speck H. Katilina im Drama der Weltliteratur. Leipzig, 1906.

